

Владимир Положенцев

ХВОСТ ОГНЕННОЙ КОМЕТЫ

Заметки военного корреспондента
программы «Время» периода
Первой Чеченской кампании
и событий в Косово

Владимир Положенцев

Хвост огненной кометы

«Издательские решения»

Положенцев В.

Хвост огненной кометы / В. Положенцев — «Издательские решения»,

Заметки военного корреспондента программы «Время», вошедшие и не вошедшие в информационные сюжеты. Первая Чеченская кампания, Косово, космодром «Свободный» (Восточный).

Содержание

Два дня за линией фронта	6
19.01.95. Сюжет первый. Гаденыш Юшенков	6
Главком задерживается	6
Дворец взят	8
Полет под проводами	11
На консервном заводе	12
У Рохлина	15
Сюжет второй. Во дворце Дудаева	19
Гостеприимные осетины	19
Страсти по Гегелю	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хвост огненной кометы
Заметки военного корреспондента
программы «Время» периода Первой
Чеченской кампании и событий в Косово
Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два дня за линией фронта

19.01.95. Сюжет первый. Гаденыш Юшенков

Главком задерживается

7.03. Уже несколько минут назад самолет главкома ВВС должен был находиться в воздухе и держать курс на Моздок. Однако его двигатели вяло, и монотонно вращались на холодном ходу, а трап, придвинутый к закрытому люку, заносило крупным мокрым снегом. Генерал задерживался, хотя накануне мне несколько раз звонил начальник его пресс-службы подполковник Геннадий Лисенков и кричал в трубку: «Вылет ровно в семь. На полминуты опоздаете, без вас улетим». Теперь Гена нервно топтался у крыльца КП и барабанил пальцами по пухлой кожаной папке, зажатой под мышкой. Он был в гражданской – черной меховой шапке и невзрачной синей куртке, из-под полы которой одним концом выбивался полосатый, видимо домашней вязки шарфик. Мех неведомого зверя намок и слипся. С него на запотевшие Генины очки спадали крупные капли. Мы, журналисты, промеж себя посмеивались – это Лисенков специально под простолюдина вырядился, чтобы чеченские снайперы на мушку не взяли. Шутили и волновались. Не потому что предстояло лететь на войну, а наоборот думали: вот придет Степаныч и даст нам отбой. Хотя и понимали, что вряд ли. И так на информационном фронте полный провал – и по ящику и в газетах сплошная дудаевская пропаганда. Вернее удуговская. Что и говорить, Мовлади не сидел, сложа руки.

Журналистов для поездки в Грозный отобрали немного: две съемочные группы программы «Время» (в каждой корреспондент и оператор без видеоинженера и звуковика), корреспондента Интерфакса Виталика Джибути и двух газетчиков – Сашу Будберга из «Московского комсомольца» и какую-то девицу из «Комсомольской правды».

Дверь КП открылась, и на крыльцо вышел заместитель Лисенкова майор Александр Дробышевский. Он, в отличие от своего начальника, был в военной форме ВВС. К тому же не в зимней шапке, как другие офицеры, ожидавшие Дейнекина, а в лихо изогнутой, аля Паша Грачев, фуражке, напоминающей мини трамплин.

– Заходите в ЗАД (зал для делегаций), главком задерживается.

Мой коллега и друг, тоже спецкор ОРТ, Шура Оносовский не двинулся с места и проворчал:

– Чую куда мы сегодня не полетим. Может, сразу разъедемся? У меня ребенок болеет. Хорошо хоть машины не отпустили.

В двух редакционных «четверках» берегли от сырости себя и видеоаппаратуру наши операторы.

Майор подошел к нам с Шуриком.

– Петра Степановича вместе с Колесниковым в Кремль вызвали. Кажется, ночью дворец Дудаева взяли.

– Кажется, – махнул рукой Оносовский. – В пресс-службе ВВС работаешь, а ни хрена толком не знаешь.

Дробышевский не обиделся. Мы давно работали с летунами и немало хорошего друг для друга сделали.

– Кому в Кремле в такую рань быть? – продолжал ворчать Шура. – Дедушка, наверное, еще седьмой сон видит.

– Кто-нибудь, там, да и есть, – повернулся к нам спиной майор, давая понять, что не желает продолжать бессмысленный разговор. – Пошли в ЗАД.

В зале было тепло и не многолюдно. Уютную атмосферу создавали несколько неярких настенных светильников и работающий телевизор.

Начались энтэвэшные новости. Во первых строках ведущего, разумеется, информация из Чечни. Ни слова о взятии дворца. Только, «по некоторым данным, федералы блокировали здание Совмина и гостиницу „Кавказ“, повстанцы оказывают яростное сопротивление». Затем на экране появилась небезызвестная Елена Масюк с обломком стабилизатора от авиабомбы в руках и, как всегда эмоционально, стала рассказывать о ковровых бомбардировках населенных пунктов близ Бамута.

– Вот ведь... – нехорошо выругался, несмотря на присутствие дамы из «Комсомолки», майор Дробышевский. – Она же показывает хвост от САБа, осветительной бомбы! Четвертые сутки по всей Чечне сильные туманы, какие ковровые бомбардировки! Мы вообще в воздухе не поднимались.

– А кто тогда осветительные сбрасывал? – ехидно поинтересовался Саша Будберг. – Сами говорили, у Дудаева авиации не осталось.

– Ох, и штучка, эта Масючка! – поддержал Дробышевского мой друг Шура. – Отольются когда-нибудь кошке мышьи слезы.

Оносовский оказался как всегда прав. Через несколько лет Елену вместе со съемочной группой похитят ее лучшие друзья – «чеченские повстанцы» и продержат в зиндане почти полгода.

Дежурный офицер, тяжело сопя, подошел к телевизору, надавил кнопку выключателя и зажег большой свет. Недружелюбно окинул взглядом пишущую и снимающую братию. В его глазах отчетливо читалось – ну и гады же вы все, журналисты!

Я приблизился к окну. Чкаловский уже посыпало не редкой снежной перхотью, а заносило настоящей метелью. В такую погоду даже вороны не летают, подумалось мне. Словно услышав мои мысли, Гена Лисенков положил мне руку на плечо.

– Нашим асам никакая пурга не страшна.

– Что и требовалось доказать, – пробубнил Будберг, уткнувшись носом в белый ворсистый шарф.

К Тушке главкома подогнали огромный реактивный антиобледенитель и начали обдувать крылья. Агрегат ревел так, что дрожали стекла. Казалось, где-то рядом пытается взлететь штурмовик, привязанный канатом к дереву.

Около девяти на столе дежурного пронзительно зазвенел телефон. Все с надеждой повернули к майору головы.

– Принято! – рявкнул в трубку офицер и кивнул уже нам. – Главнокомандующий только что подъехал к КПП.

Всех журналистов тут же препроводили на борт и усадили в самом хвосте, за засовским купе.

Как только люк за генералом Дейнекиным закрылся, двигатели стали набирать обороты. Метель не унималась, но легчики уверено и быстро заруливали по дорожкам, словно они управляли не лайнером, а автомобилем. Один лихой поворот, второй, третий и самолет замер на взлетной полосе.

– Интересно, – потер ладонью запотевший иллюминатор, сидевший со мной Шура Оносовский, – почему Пушкин сказал, что в Моздок он больше не ездит?

Я увидел, как за его мощным плечом из крыла лайнера выдвигаются закрылки.

– Кажется, в Моздоке на пути в Тифлис у него сломалась карета. Видимо, местная дорога не понравилась.

– Не-ет, – протянул недоверчивый Шура, – что-то более серьезное расстроило Александра Сергеевича.

Шура почти полный тезка великого поэта.

Двигатели заработали на полную мощь, и самолет побежал по бетонке. Через пару минут он пробился сквозь плотное одеяло облаков и во все иллюминаторы влился яркий солнечный свет. В салоне запахло весной. Даже не верилось, что в двух часах лета от Москвы идет война.

На полпути нас растолкал подполковник Лисенков:

– Шеф приглашает.

– Камеру берем?

– Потом.

Дворец взят

Петр Степанович Дейнекин, пожалуй, единственный генерал, который вызывал у меня (да и не только у меня) глубокую симпатию. В нем не было ни показной генеральской лихости, ни напускной самоуверенности, ни надменности. Словом ничего солдафонского. Напротив, он производил впечатление человека сдержанного, разумного, вежливого и очень порядочного. Я даже с трудом мог предположить, что он способен кому-то что-нибудь приказать. Однако его подчиненные в один голос утверждали – во время боевой работы он спуска никому не дает.

Главком поздоровался с нами за руки и указал на свободные кресла:

– Не будем сейчас ничего снимать, хорошо?

Мы с Шурой дружно кивнули.

– Ночью дудаевцы ушли из дворца. Центр Грозного наш.

– Ушли вместе с Ковалевым? – поинтересовался Джибути, яростно строча в записную книжку.

– По нашим данным, правозащитники покинули Белый дом уже несколько дней назад.

– Вы чеченцев оттуда выкурили?

– Мы применяли по дворцу бетонобойные бомбы БетАБ 500. Эти боеприпасы прошивают верхние этажи, как картон и взрываются в самом низу.

– Кто же после этого мог уйти?

Петр Степанович помешал ложкой в стакане с чаем.

– Так сообщают разведчики.

– А на Бамут какие бомбы сбрасывали? – ослабил на горле шарф Будберг.

Ни один мускул не дрогнул на лице главкома.

– Я смотрел в машине НТВ. Ни Бамут, ни населенные пункты рядом с ним, мы не бомбили. И вообще, – Петр Степанович слегка повысил голос, – я могу дать отчет за каждую использованную нами авиабомбу. Под Бамутом мы работали по подземным складам боеприпасов. Боевики их устроили в бывших шахтах межконтинентальных ракет. До этого мы наносили точечные удары по трем аэродромам – Калиновская, Грозный – Северный и Ханкала, уничтожили в первый же день все 226 дудаевских самолета. В основном, это учебно-тренировочные Л-39 чешского производства. При модернизации они могли бы нести и боевую нагрузку.

– Правда, что в Кремле опять говорят о перемирии?

– Да? – вскинул брови генерал. Мне об этом ничего не известно. Вчера же по вашему каналу, – Дейнекин кивнул на меня, – Борис Николаевич заявил, что с Дудаевым мы говорить не будем.

– А позавчера, – ухмыльнулся мой друг Шура, – Черномор встречался с Абубакаровым и Имаевым и якобы договорился о поэтапном прекращении огня. У них там семь пятниц на неделе. Завтра опять чего-нибудь придумают. Как вы в таких условиях воюете, не понимаю.

Петр Степанович только развел руками.

На этом короткая встреча с главкомом закончилась. Можно было бы, конечно, задать ему пару колючих вопросов. Почему, например, бомбардировка Дворца началась в тот момент, когда Виктор Степанович сидел за столом переговоров с дудаевскими эмиссарами? Не согласованность с центром или обычная армейская неразбериха? Или почему ВВС использует (были видеоподтверждения) запрещенные кассетные бомбы? Но не хотелось мучить главкома. С нашими кремлевскими стратегами-то наступать бежать, то отступать, действительно, много не навоюешь, а Дейнекин в этой дурацкой ситуации оказался крайним. Впрочем, как выяснилось позже, не только он, вся российская армия.

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Хороший информационный оператор никогда не спорит с корреспондентом, снимает то, что ему говорят от «а» до «я», а, главное, сам ищет интересную картинку и нажимает на гашетку видеокамеры, даже тогда, когда журналиста нет рядом. Еще с прежнего режима большинство операторов программы «Время» привыкли слушаться корреспондента (не новичка, конечно) беспрекословно, но, как и в советские времена лишнего не делали и инициативу проявляли редко. Многие, но не все. Мы с Оносовским не знали, какие опера нам попались, до этого мы с ними не работали, а потому, деля их между собой, просто бросили монету. Мне достался Саня Анненков, потомок известного декабриста, Оносовскому Володя Кипин. Оба лет тридцати пяти.

Наш самолет, несмотря на сильный туман, плавно приземлился на аэродроме моздокской военной базы и застыл не далеко от стайки черно-коричневых штурмовиков СУ-25, выстроившихся в линию на краю бетонки. Возле каждого «грача» горками возвышались бомбы, ракеты, контейнеры от «НАРов» и «Вихрей». Солдаты ломami вскрывали какой-то длинный ящик, видимо тоже с ракетами.

– Прибытие главкома снимаем? – сразу же навис надо мной Анненков, успевший уже подхватить штатив, кофр с батарейками и кассетами, микрофон и свои личные вещи.

Шустрый малый, подумал я, повезло.

– Гаси» все подряд, с рук. Железо я сам возьму.

Дробышевский выпустил журналистов из самолета первыми. Наши опера» тут же включили камеры. Главком не выходил из самолета минут пять, и за это время они успели «облизать» все штурмовики с бомбами, чумазых солдатиков с ломami, застывшие неподалеку боевые вертушки. Поставили штативы, чтобы зафиксировать на длинном фокусе необъятный палаточный лагерь объединенной группировки войск, почти вплотную прилегавший к аэродрому. Однако со стороны городка прибежали два офицера в полевой форме, представились особистами, и грозно заявили, что съемки здесь категорически запрещены.

– Ну, в чем дело, Саня? – вскинулся на Дробышевского мой друг. – Сами привезли сюда и сами работать не даете. Потом удивляетесь, почему на экране одни дудаевские боевики.

Лисенков и Дробышевский стали объяснять особистам что-то про Первый канал и кивать на главкомовский самолет. Офицеры были непреклонны. Мало того, они потребовали кассеты с уже отснятым материалом. Но тут на трапе показался Петр Степанович, и мы с операторами дружно попросили у него защиты. Главком кинул особистам всего пару слов и те, гневно оборачиваясь на нас, ушли.

У Дейнекина было виноватое лицо.

– Пока не снимайте. Разберемся.

Он сел вместе со своими замами в «Волгу» и уехал.

– И чего теперь? – поинтересовался у начальника пресс-службы ВВС Володя Кипин.

– Ждем автобус, – как-то растеряно ответил Гена Лисенков.

Прождали минут сорок, а потом потопали на базу пешком.

Грунтовую дорогу до нее напрочь размесили танки, БТРы и БМП. Передвигались по обочине, то и дело, сползая в жирную грязь, и уворачиваясь от бронетехники. Шли мимо палаточного лагеря, который производил гнетущее впечатление. Здесь начиналась война, и мозг отказывался в это верить.

Когда дотащились до бетонной дороги со шлагбаумом, Дробышевский узнал у солдат, где находится штаб.

Мы с Анненковым приотстали.

– Возьми Бетакам на плечо, – шепнул я ему, – и жми на клавишу, когда что-нибудь интересное заметишь. Нужно же из чего-то репортаж делать.

Чтобы не видно было, что камера работает, Саня залепил красную лампочку жвачкой.

Наконец повернули к штабу. Оносовский шагал вместе со своим оператором впереди, и что-то эмоционально доказывал Лисенкову. Я же поставил штатив и велел Анненкову, наплевав на все запреты, снять адресный план штаба. Вдруг у его дверей послышался крик. Скорее даже, не крик, а душераздирающий вопль.

– А-а! – голосила женщина за мощной спиной Оносовского. – Будьте вы прокляты! Мерзавцы! Наши мужья за Родину жизни свои отдают, а вы только гадости про них рассказываете!

Оносовский отступил назад, и я увидел истерично рыдающую женщину, прикрывающую ладонями лицо. Она несколько раз громко всхлипнула и повалилась навзничь. К ней тут же бросились курившие у дверей офицеры и унесли в штаб. Журналисты, вместе с пресс-службой ВВС, как вкопанные застыли на месте.

– Посторонись, – раздалось сзади, и кто-то грубо подтолкнул меня в плечо. Мимо прошагал прапорщик. Он обернулся и сплюнул.

– Ты видел? – приблизился ко мне Оносовский с широко раскрытыми глазами. – Вот эта встреча! Чего доброго, еще перестреляют, как собак. Слышь, Будберг, пока мы здесь, ты пасквилей про федералов в свою газетенку не отправляй.

Гена Лисенков скрылся в штабе и вернулся минут через десять.

– Приказано вас в столовую вести.

– Что мы жрать сюда приехали? – возмутился мой друг. – Москва сюжеты ждет.

В столовой к нам подсел один из офицеров, что помогал женщине.

– У нее муж две недели назад на Минутке пропал. Колмыкова «чехи» раненого взяли. Мы ничего не могли сделать, снайперы плотно били.

– Надо же его спасать, – оторвалась от тарелки с борщом девушка из «Комсомолки».

– Спасать, – вздохнул капитан. – Дай бог, только яйца отрежут и отпустят. Бывали случаи. Девица поперхнулась капустой.

– Лучше без яиц, чем без головы, – заботливо похлопал ее по спине капитан. – Хотя... Ну, удачи.

Офицер натужно улыбнулся и скрылся в посудомойке.

Через минуту к столу подбежал запыхавшийся прапорщик с красной повязкой на рукаве.

– Вот вы где! – он растер струившийся по лбу пот. – Вас давно уже на аэродроме ждут.

Теперь уже подавился Гена Лисенков:

– Приказано же пищу принимать.

– Скорее, автобус у штаба ждет.

Опять та же дорога, но на транспорте веселее. Ехать-то всего ничего, да на повороте каким-то чудом перепутались тросами две бээмпэшки, перегородив проезжую часть. И объехать нельзя. Нервный прапорщик, бросился к рулю и стал яростно давить на клаксон. Толку, разумеется, никакого.

– Придется пешком, здесь недалеко, – прапорщик двинул сапогом в дверь. – Да открывай же мертвая курица.

Солдатик-шофер захохотал и надавил на рычаг.

- Куда летим? – поинтересовались мы у прапора.
- Откуда я знаю.

Полет под проводами

Два вертолета Ми-8 уже во всю вращали своими лопастями, когда мы, наконец, с трудом до них добрались. Они стояли на противоположном конце поля, а разыгравшийся ветер бил нам прямо в лицо. К тому же у Гены сорвало шапку, и мы все вместе принялись ее ловить. Ушанку, словно коршун, подхватил нервный прапорщик.

– Туда, туда, быстрее!

Как только мы влезли в ближайшую «восьмерку», машина затряслась и поднялась в воздух. В иллюминатор я увидел, что следом за нами взлетают два ударных вертолета Ми-24.

– Прикрытие, – пояснил мне незнакомый военный с высоко поднятым воротником бушлата.

Только теперь я заметил, что среди нас нет «комсомолки».

Видимо Лисенков обладал телепатическим даром.

– Пусть в штабе заметки сочиняет, от греха, – сказал он мне.

– Куда курс держим? – повернулся я к военному.

– На Грозный – Северный. Минут сорок лету.

Вскоре наша вертушка, набрав уже приличную высоту, начала резко снижаться. Открыли входную дверь, и возле нее пристроился пулеметчик в спецназовской каске и бронежилете.

– Чечня, – пояснил военный.

Вертолет резко начал ходить то вправо, то влево. Операторы мертвой хваткой вцепились в камеры – не дай бог стукнуть, за всю жизнь не расплатишься.

Я глянул в окошко и обмер. Мы летели всего в нескольких метрах от земли и с такой скоростью, что на ее поверхности трудно было, что – либо разобрать.

Никто не произносил ни слова. Наконец, не выдержал Шура:

– Это не легчик, это камикадзе.

Дверка в кабину пилотов приоткрылась, и я смог наблюдать, что творится впереди.

А на нас с быстротою молнии надвигалась линия электропередачи. Вертолет стал проваливаться еще ниже. Но куда еще ниже-то! Я закрыл глаза, а когда открыл, на меня навалился с горящим, как у филина оком, Саня Анненков:

– Под проводами прошли. Нет, ну ты видел, видел? Кому расскажешь, не поверят.

– Поверят. Камеру включай.

Саня треснул себя по лбу, полез к выходу, и что-то зашептал пулеметчику на ухо. Тот равнодушно пожал плечами и подвинулся. Не успел Анненков пристроиться, из кабины появился один из пилотов, постучал стрелку пальцем по каске и прогнал Саню на место.

По бокам, чуть выше нас, шли две «двадцатьчетверки», отстреливая тепловые ловушки.

Пулеметчик повернулся к пилоту и стал указывать куда-то пальцем. Пилот кивнул и скрылся в кабине. Вертолет тут же подскочил и стал уходить в сторону.

– Вон из тех домов, – весело сообщил пассажирам спецназовец, и тут же в борт несколько раз стукнуло, словно кто-то бросил в него камешки.

– Давай теперь влево, – крикнул пулеметчик и плотно прижал приклад Дегтярева к плечу.

Из кабины высунулась голова в шлемофоне:

– «Поллитра первый» сам разберется.

От нашей стаи оторвался правый «крокодил» и скрылся за холмом.

Крутой вираж, еще один и снова вперед чуть ли не касаясь брюхом земли. Опять высокий подскок и глубокий крен на правый борт. В иллюминаторах показались разбитые и обго-

ревшие остовы самолетов, в основном Тушек. Грозный – Северный. Колеса вертолета самортизировали о землю.

Первыми, без напоминаний, выскочили операторы. Кипин принялся «поливать» аэровокзал с выбитыми стеклами, а мой Анненков приладил камеру на штатив у вертолета.

– Нет, я должен запечатлеть для потомков лицо этого воздушного акробата.

Винты еще разгоняли снежную крупку по неровной бетонке, а летчик – акробат уже показался в проеме люка. Я подумал, что его плечи в дверь не пролезут, настолько большими они были. Но летун легко справился с задачей и даже не задел кожаной курткой железные края проема.

– Вы меня для потомков уже на Арбате снимали, – шутливо проворчал летчик и мы, журналисты, с удивлением узнали в нем командующего армейской авиации сухопутных войск генерала Павлова. Так вот, кто, оказывается, устроил нам русские горки! Ас, ничего не скажешь. Если у него все такие соколы, то война скоро закончится.

Над аэродромом показался «Поллитра первый», летавший на разборки, а генерал подвел к нам заспанного чеченца в норковой шапке и представил:

– Алик Зулгаев, начальник аэропорта. Лучше у него интервью возьмите. Пусть расскажет, как мы Северный восстанавливаем.

Я огляделся. Большинство окон аэропорта были заделаны фанерными листами. Два хмурых бойца приколачивали к входному проему новую дверь.

– Ты когда у меня аэропорт заберешь? – Павлов будто клещами схватил Алика за предплечье. – Мы уже почти все сделали.

– Когда вы всех бандитов из города выбьете.

– Ты сам-то не бандит? – рассмеялся генерал. Зулгаев опустил глаза. – Давай, давай, через неделю забирай.

– Не страшно на кремлевскую власть работать? – поинтересовался у Алика Будберг. – Наверное, многие вас предателем считают.

Алик в миг преобразился. Его сонливость словно ветром сдуло. Он расправил плечи:

– А мне наплевать на то, кто чего считает. Мне от этого не горячо, не холодно. Я хочу, чтобы на мою землю мир пришел.

Эту сцену снимал Володя Кипин. Он довольно цокнул языком:

– Хорошо сказал, искренне.

На консервном заводе

Нас распахали по двум бронетранспортерам и куда-то повезли. Кто везет, зачем, было не ясно. Лисенков тоже ничего не знал и, похоже, знать не желал. В перископическую щель я видел большое серое поле, изрытое коричневыми воронками. Рядом со мной, чуть выше, неприятно скрипел вращающимся креслом стрелок, ни на секунду не отрывавшийся от прицела. Вокруг него, словно висюльки на хрустальной люстре, раскачивались снаряды со вдетыми в красные головки проволочками. Боеприпасы позвякивали друг о друга, и я прикидывал, что останется от нас, сидящих внутри, если они рванут.

В щели показались дома и люди возле них, настороженно посматривающие в нашу сторону.

БТР нырнул в яму, взобрался на крутогор и замер. По броне стукнули.

– Приехали!

Видимо, когда-то здесь было солидное производство – повсюду трубы, котлы, длинные стены корпусов. Да только все разбито и пробито бомбами, снарядами и пулями.

Пошли за военными вглубь развалин, перешагивая через каменные обломки, пустые консервные банки и латунные гильзы от снарядов. Вся земля была усеяна мусором и не стрелян-

ными автоматными патронами. Возле одной из кучек ковырялся палочкой бомжеватого вида человек в спортивной шапочке. Шура Оносовский остановился, округлил глаза и подпихнул меня в бок.

– Это же Доку Гапурович! – зашептал он мне в ухо. – Точно он!

Мой друг, то ли в шутку, то ли всерьез считал себя виноватым перед бывшим председателем Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. 6-го сентября 91-го года, как раз в тот день, когда гвардейцы Конгресса чеченского народа штурмом взяли Дом политпросвещения, мы с Шурой дежурили в группе сбора оперативной информации. От начальства мы получили задание связаться с Завгаевым и записать хрипушку (интервью по телефону) о ситуации в Грозном. Шура, матерясь, часа полтора накручивал телефонный диск, но все же, дозвонился.

– А нужно ли мне сейчас выходить в эфир? – усомнился Доку Гапурович. – Митинг под окнами спокойный, не агрессивный. Кому-нибудь мои слова не понравятся, ситуация может накалиться.

– Все будет в порядке, – заверил Оносовский председателя Верховного Совета, но тот категорически отказывался. Тогда Шура пустил в ход все свое профессиональное красноречие и лесть: Вас все любят, все знают, все уважают и т. д. В итоге, Завгаев сдался. Хрипушку записали и выдали на трехчасовой эфир Новостей. Буквально через полчаса по агентствам пришла информация, что в Грозном боевики национальной гвардии захватили Дом политпросвещения, а о судьбе Доку Гапуровича ничего не известно. Шура рвал на себе волосы:

– Это я виноват, подставил председателя.

Только под вечер стало известно, что Завгаев жив-здоров (при штурме погиб Первый секретарь Грозненского горкома КПСС Виктор Куценко) и официально передал власть временному коалиционному правительству Яраги Мамодаева, сподвижнику Дудаева. Оносовский вздохнул с облегчением:

– Слава Богу. И все же есть грех на моей душе.

– Перестань, – успокаивал я друга. – Доку Гапуровича все равно бы дудаевцы скovyрнули. Москве сейчас не до него, у всех путч еще перед глазами. Свою власть нужно устаканивать.

Доку Гапурович не обратил на нас никакого внимания, продолжая сосредоточено орудовать палочкой. Оба наших оператора, не сговариваясь, надавили на кнопки. Занятный план, но куда его? Мы ведь на стороне федералов, а такие кадры не в их пользу. Впрочем, почему «не в их», не в нашу. Мы с Оносовским приехали в Чечню искренне поддержать российскую армию, на которую СМИ ежедневно выливали ведра помоев. Кстати, перед отправкой начальство не дало нам никаких политических установок – снимай и пиши чего хочешь.

А из-за угла появилась еще одна известная чеченская личность – председатель национального согласия Хаджиев. Саламбек Наибович явно куда-то торопился. Шел быстро и целеустремленно. Его мы тоже пропустить не могли:

– Саламбек Наибович, здравствуйте, программа «Время».

Хаджиев слегка кивнул и промчался мимо. У крайних развалин притормозил, обернулся:

– Через час.

Сашка сплюнул:

– Нет, их надо брать сразу, с включенной камерой и микрофоном.

К нам подскочил какой-то подполковник. Он заметно нервничал – то и дело снимал головной убор и промокал затылок носовым платком.

– Кто дал разрешение на съемку? Здесь ничего снимать нельзя!

– Ежики колючие! – не выдержал уже я и крикнул маячившему где-то впереди Лисенкову. – Гена, ну разберись, наконец, с таможней! Так мы сегодня вообще никакого материала в редакцию не отправим.

Лисенков только что-то пробубнил.

Спустились в подвал, в котором, как выяснилось, размещался штаб Северной группировки. На лестнице столкнулись с Юрием Шевчуком. Певец выглядел заспанным и не дружелюбным, поэтому пока приставать к нему не стали.

Подвал оказался довольно просторным и полутемным. В дальнем левом углу, в более освещенном месте стоял длинный массивный стол буквой «т», над которым задумчиво склонились офицеры. Они водили карандашами по карте и о чем-то между собой спорили.

– Ну, я же сказал, выдвигайте колонну к Минутке! – кричал один из военных в телефонную трубку. – Откуда я знаю, почему нет поддержки? Сейчас напомню.

Нас препроводили в самый темный угол штаба и усадили за раскладные алюминиевые столики. Время шло, а на корреспондентов, казалось, никто не обращал внимания.

– И чего? – закусил губу Шура.

Лисенков нехотя встал и пошел к группе офицеров у стола. Когда вернулся, развел руками:

– Командующий группировкой на передовой, а без него никто ничего решить не может.

– У-у, – загудели журналисты хором, – ну федералы!

И тут у наших столиков, как из-под земли вырос подполковник с носовым платком.

– Приказ получен. Можете работать, – сказал он с каким-то облегчением.

Дополнительного разрешения операторам не понадобилось. Они молниеносно сменили в Бетакамах аккумуляторы, включили накамерные лампы и разбрелись по подвалу.

– Карты, карты только, ради Бога, не снимайте! – тут же взмолились штабные офицеры.

Отработав штаб, поднялись наружу. Спереди, раздавались регулярные негромкие хлопки.

– Что это? – поинтересовались мы у подполковника, который попросил, чтобы его называли просто Михаилом Ивановичем.

– Минометчики заданный квадрат утюжат. Хотите заснять? Пожалуйста.

На самом конце бывшего консервного завода, почти у забора, к которому подступали густые посадки, расположились два минометных расчета. Неторопливые солдаты, с уставшими взглядами наматывали на мины пороховые заряды и по команде забрасывали их в оружейные стволы. Мины хлопали и со свистом уносились куда-то вдаль. Их разрывов слышно не было.

– Кого бомбите, служивые? – ехидно поинтересовался корреспондент Интерфакса.

– Берег Сунжи обрабатываем, – ответил старший.

– Зачем?

– Утром трое наших за водой пошли, а через час их обнаружили с простреленными головами. Одному живот вспороли, другому глаза выкололи. Шакалы они, не волки.

Джибути сменил тон:

– Извините. Боевики, наверное, давно уже смылись, чего шмалять-то?

– Кто их «чехов» знает.

Когда возвращались в штаб, меня догнал младший сержант со слегка раскосыми глазами.

– Я из Уфы и Димка вместе со мной призывался, – он протянул мне несколько стреляных гильз – 5х45 и 7х62. – Этими патронами ребят положили. Гильзы еще теплыми были, когда их нашли. Сохраните, мы их здесь все равно потеряем.

Одну гильзу взял у меня Джибути, другую Будберг. Остальные до сих пор хранятся в редакции.

– Ну что, комсомолец, – подпихнул мой друг Будберга плечом, – не передумал про федералов гадости сочинять?

Тогда «комсомолец» ничего не ответил, и в будущем, несмотря на общий антивоенный тон его газеты, он лично ни разу не позволил себе ни одного плохого слова в адрес российской армии, воевавшей в Чечне.

Саламбек Наирович своего слова не сдержал и через час на консервном заводе не появился. Начало стремительно темнеть, а материала по-прежнему не было. Ну что это – разбитые самолеты в аэропорту, развалины завода, Доку Гапурович на мусорной куче и стреляющие, не пойми куда, минометчики. Мало, в Москве ждут от наших двух групп *нечто*. А с текстом вообще беда – информации ноль, в штабе говорить «на микрофон», да и просто по душам, офицеры категорически отказывались.

Откуда-то примчался запыхавшийся Гена Лисенков и радостно сообщил, что одну съёмочную группу разрешено свозить на передовую. Страшно, конечно, но мы с облегчением вздохнули. Кому ехать? Вновь бросили монету. Выпало Сашке. Я увидел на его лице некоторую озадаченность. У него недавно родился сын.

– Тебе нельзя, – сказал я ему. – При диком капитализме безотцовщина ведет детей в пропасть. Пусть лучше тебе на камеру Шевчук что-нибудь споет. Неплохая будет краска.

Оносовский нехотя согласился.

У Рохлина

Уже совсем стемнело, когда нас с Анненковым запихнули в тот же самый БТР, на котором мы приехали на консервный завод. Тот же стрелок, те же раскачивающиеся над нами бомбы с красными лентами. Только теперь броня не еле – еле преодолевала препятствия, а неслась по городу, словно кумулятивный снаряд.

Много времени езда не заняла. Когда остановились, стрелок, будто кондуктор, коротко бросил:

– Больничка.

Возле больших металлических темно-синих ворот стоял часовой. Как только мы вылезли из чрева брони, он постучал ручкой штык-ножа по двери.

Нас с оператором провели в дом из красного кирпича. Сначала узкий длинный коридор, потом еще один, спуск вниз. То ли подвал, то ли комната, не поймешь. В помещении, словно в фильмах про войну, горели расплюснутые гильзы и керосиновые лампы. За столом сидели военные, один нам широко и открыто улыбался. Это был Лев Иванович Рохлин. Я знал про него не много – разве, что он единственный из командующих группировками, прежде чем соваться в город, провел разведку Петропавловского шоссе, а когда обнаружил на нем засаду, пустил по нему лишь один батальон, а весь корпус двинул огородами, застав боевиков врасплох. Почти без потерь он дошел до центра Грозного. За это солдаты почтительно величали его Батей. Трудно было понять, почему остальные генералы не поступили так же.

Я впервые воочию увидел Рохлина. В поношенном бушлате, с черной кучерявой головой и яркими признаками на лице той национальности, которую в СССР, мягко говоря, недолюбливали, он больше походил на каптера, чем на командующего. Батя поднялся нам на встречу:

– Вовремя успели, мы как раз ордена обмываем.

На столе действительно стояли сдвинутые к центру кружки, наполненные темноватой жидкостью. На дне одной из них я разглядел золотистый кружочек.

– Сегодня мои орлы Совмин и гостиницу «Кавказ» взяли. А утром флаг на дворце повесили. Есть повод?

Мы с Анненковым дружно кивнули.

– Коньяк хороший, из местных погребов. Здесь в каждом доме по цистерне осталось. Мусульмане, сами не пьют, а зелье славное делают.

Железный закон для меня – на работе ни грамма, пришлось нарушить. Коньяк действительно оказался отменным. Не зная с чего начать, я спросил нечто неопределенное:

– Лев Иванович, как ситуация?

Ответ же получил самый неожиданный:

– А Бог ее знает.-Рохлин залился раскатистым смехом. – Шучу. Основной очаг сопротивления в Грозном подавлен.

Офицеры, видя, что мы перешли к делу, незаметно растворились в соседних комнатах.

– Почему армия в начале января понесла такие большие потери?

– Как почему? – искренне удивился командующий.-Из-за генштабовских дуболомов. Они там планы разрабатывали, а у нас опытных офицеров, даже совета не спросили.

– На камеру это можете сказать?

Мой опер тут же вскинул Бетакам.

Рохлин опять рассмеялся:

– Нет, ребята, не надо. К чему сейчас белье грязное ворошить. Приезжайте утром. Я вас с солдатами, что Совмин и «Кавказ» брали, познакомлю. Они герои. А какая из меня кино-звезда?

– Ну, просто, об обстановке расскажите.

Разлив по кружкам коньяк, Рохлаин прищурился:

– Здесь министр обороны, командующий объединенной группировкой, пусть они и говорят.

– Кстати, а что вы думаете о Квашнине?

– Анатолий Васильевич – уникальная личность. За любое дело может легко взяться и так же легко его провалить. А, провалив, постарается доказать, что он здесь ни при чем. Это я по-дружески, любя. Вообще, он хороший человек.

– Нас обещали сегодня на передовую сводить.

– Кто?! Впрочем, вы и так на передовой.

Будто в подтверждение его слов где-то совсем недалеко бабахнуло, потом еще раз и еще. Заработал пулемет. С потолка посыпалась пыль.

– Здесь повсюду передовая. Даже в тылу. Днем они, все с белыми повязками на руках ходят, – генерал кивнул кудрявой головой на потолок, – хлебушка у нас, тушеночки просят, а ночью нам в спины стреляют.

– Напрасно в Чечню войска ввели?

Лев Иванович на это ничего не ответил, только хмыкнул.

Повисла тишина.

– Хотя бы пару планов снять, как вы ордена обмываете! – взмолился Саня Анненков.

– Это можно.

Командующий кликнул своих орденосцев, и мы действительно сняли довольно приличный эпизод, который потом, к сожалению, потерялся в Москве.

Возле БТРа Рохлаин крепко пожал мне руку и, глядя, прямо в глаза сказал:

– Если бы это была не наша земля, не Россия, война бы уже пару недель назад закончилась. Поверь мне. Тяжело воевать со своими.

Всю обратную дорогу до Консервного я думал над текстом, который в любом случае пришлось бы писать-есть информация у меня или нет, это Москву не волнует. Что-то, конечно, начало вырисовываться после посещения авангарда Рохлаина, но для информационного материала мало, очень мало. В Моздоке нужно попытаться, кровь из носа, отловить Пашу Грачева или, на худой конец, Квашнина.

Оносовский меня обрадовал сходу:

– В Моздоке, после совещания с офицерами, Грачев устраивает пресс-конференцию.

Я рассказал Шуре, что никакой картинки, кроме как обмывания орденов в штабе Рохлаина, снять не удалось.

– Главное ты со Львом Ивановичем познакомился. Завтра во дворец войдем.

Не разделить Сашкиного оптимизма было трудно. Теперь же вся надежда оставалась на пресс-конференцию. Главное чтобы Павел Сергеевич не подвел.

И Павел Сергеевич не подкачал, да так что после той встречи с журналистами, едва усидел на своем министерском кресле.

Совещание проходило в штабе, в одном из классов. Телевизионщиков пригласили внутрь, когда Анатолий Васильевич Квашнин заканчивал доклад о завершении первого этапа контртеррорестической операции в Чечне. Командующий объединенной группировкой походил на студента, основательно вызубрившего свой урок. Несколько смущенно, но уверенно, он тыкал указкой в кружки и стрелочки на карте. Из президиума, сидя за обычной ученической партой, ему внимали директор ФСК Сергей Степашин, министр МВД Виктор Ерин и, разумеется, Павел Грачев. Ерин все время что-то жевал, и, казалось, думает о постороннем. Степашин, опустив голову, прятал глаза под партой. Зато Грачев своего лучезарного взгляда не скрывал. На его лице застыло что-то среднее между восторгом и недоверием.

Закончив доклад, Квашнин положил указку и чуть ли не строевым шагом направился на свое место.

Павел Сергеевич дождался, когда он сядет, объявил об окончании совещания и обратился журналистам:

– Что, соскучились по мне? Ну, давайте, будем говорить на чистоту.

Как таковой пресс-конференции не было. Камеру поставили напротив стола с министрами-силовиками, а Шура взял в руки микрофон. В общем-то, никто и не провоцировал Павла Сергеевича на резкое заявление, просто попросили подвести итоги первого этапа контртеррорестической операции, о чем собственно и шла речь на совещании. Но, видно, у министра обороны давно уже накипело. Он скрестил руки на парте, пару раз хрустнул суставами, промямлил что-то об успехах и некоторых просчетах командования ОГВ, а затем на одном дыхании выдал:

(диктофонная запись)

– Эти восемнадцатилетние юноши за Россию умирали, и умирали с улыбкой. Им нужно памятники ставить, а их порочат. Вот этот.... Вот этот миротворец-депутат...

– Ковалев, – подсказал министр внутренних дел.

– Ковалев. Да ему клейма некуда ставить, клейма некуда ставить. Это враг России, это предатель России. А его там, везде там встречают. Этот Юшенков, этот гаденыш! Его по-другому, его нельзя сказать, хает армию, которая дала ему образование, дала ему звание. К сожалению, в соответствии с постановлением, он еще является полковником российской армии. И он, этот гаденыш, защищает тех негодяев, которые хотят развалить страну. Я лично этого не понимаю. Понимаете? Я не понимаю. Я не хочу сказать, что я вот такой уж единственный патриот России. Ну, вы видели сегодня в окопах, там все патриоты. 18-летние, 19-летние, 50-летние. И погибают все – от рядового, до генерала, но никто не уходит с позиций.

Это была сенсация. Министр обороны, и с молчаливого согласия, Степашин с Ериным, открыто выступили против миротворческого корпуса Государственной Думы! Это война не только в Чечне, но и на политическом фронте. Такой материал не должен был пропасть. Его нужно выдавать сегодня. Потому что завтра, после опубликования пламенной речи Грачева в Интерфаксе, он будет иметь уже вторую свежесть. А продуктами второй свежести программа «Время» не питается.

18.30. Звоним в Москву, в группу оперативной информации. Однако выясняется, что перегон сюжета из Моздока возможен лишь после полуночи. Никуда не годится. Борт Петра Степановича Дейнекина вылетает в столицу через пятьдесят минут. На «Время», конечно, не успеваем, а на вечерние Новости в самый раз.

Монету бросать мы с Шурой не стали. Как-то само собой решилось, что летит он со своим оператором Володей Кипиным, а мы с Анненковым остаемся здесь. Я был рад, что Кипин вернется в Москву. Позже мы с ним не раз попадали в Чечне в различные переделки, и у него

не дрожала рука, и всегда сохранялся четкий фокус. Но тогда он, искренний, добрый парень, бесконца повторял: «Боюсь, ребята, хоть зарежьте, боюсь».

19.20. Самолет главкома ВВС оторвался от земли. Сенсационный материал отправлен и это главное.

Мы с Саней Анненковым стояли на пороге штаба и прикидывали, что делать дальше.

Грачев тоже улетел в Москву, Степашин, Ерин и Квашнин растворились в неизвестном направлении. Да и вряд ли мы были им нужны. Пресс-службы ОГВ еще и в помине не существовало. Дежурный по штабу лишь плечами пожал, когда мы у него спросили, где бы нам переночевать:

– Езжайте в город, там есть гостиницы.

Легко сказать «езжайте». На чем? На своих двоих? От военной базы до Моздока – семь верст до небес.

Но нас, как выяснилось, все же кому-то перепоручили. Этот молчаливый и безликий «кто-то» накормил нас в офицерской столовой и уложил спать в казарме. На этом его функции закончились.

Засыпали под грохот взлетающих и приземляющихся штурмовиков. Мы не знали, что завтра воочию увидим, как они работают по целям.

Сюжет второй. Во дворце Дудаева

Гостеприимные осетины

Я растолкал Саню, как только начало светать. Быстро умылись, собрали аппаратуру. У дежурного поинтересовались, поступали ли по поводу нас какие-нибудь указания.

– Конечно! – радостно кивнул майор.

– Какие?

– Накормить.

– И все?

– Все.

– Нам нужно до Грозного добраться.

Майор зевнул:

– Этого я, хлопцы, не знаю. Сходите на аэродром. Может, летуны вас на какой-нибудь борт пристроят.

Вышли на улицу. Было снежно и в, отличие от вчерашнего вечера, тепло. Почти прямо напротив штаба, у широкой брезентовой палатки полукругом сидели на корточках беженцы. Все курили, в том числе и женщины. К полемому госпиталю подъехала крытая машина, начали разгружать раненных. Я отер лицо пушистым снегом, закинул на плечо штатив, подхватил кофр с батареями и кассетами:

– Завтрак отменяется. Раньше нужно было вставать.

Оператор спорить не стал. Он шустро преодолел неширокую дорогу, почти на ходу снял несколько планов с беженцами и ранеными.

По аэродрому гулял сильнейший ветер. Мы остановились у кромки поля. Недалеко загрузались два Ми-8. Тогда, почему-то и в голову не пришло зайти на КП, узнать какой борт куда идет и официально на него попроситься.

Подшли к первой вертушке. Солдаты, закидывающие в вертолет зеленые ящики, в разговор вступать не пожелали. У второй машины стояли пилоты. Увидев камеру и штатив, они поинтересовались:

– Откуда, рэбята?

– Программа «Время».

– О! Я такую программу смотрю.

Летуны явно были кавказцами. Узнав, что мы хотим добраться до Грозного-Северного, а оттуда до штаба Рохлина, зацокали языками:

– Что вам там дэлать, а?

– Работать.

– Здэсь работайте, там стреляют.

– Ничего не поделаешь.

– А-а. Мы идем на Владикавказ. Давайте с нами, если хотите.

Видя нашу непреклонность, один из летунов полез в вертушку:

– Сэйчас по рации узнаю.

Через минуту он появился снова:

– «Ноль семнадцатый» скоро на Северный пойдёт. Он вон там, за ТУшками стоит, – летчик махнул рукой в сторону двух полурассыпавшихся стратегических бомбардировщиков ТУ-95, с заколоченными фанерой кабинами. – Ещё врэмья есть. Залэзайте к нам.

Почти насильно кавказцы затащили нас внутрь своего вертолета. На старом чемодане тут же расстелили газету. Появились домашняя колбаса, хлеб, полбутылки чачи.

– Покушайте, пожалуйста, там некогда будет.

Отказаться от ароматной колбасы было не возможно. Мы с Саней руками отломили по кусочку. Один из летчиков зазвенел стаканами. Я приложил руку к сердцу:

– На работе нельзя.

– Боевые сто грамм. На пэрэдовую идете. Там везде эта пэрэдовая.

Удивительно, но летчик почти в точности повторил слова Рохлина.

Я отрицательно помотал головой.

– Потеряем спьяну аппаратуру, что тогда делать? – попытался отшутиться Саня.

– Головы не потэряйте.

Осетин со вздохом отставил в сторону бутылку и задал мне неожиданный вопрос:

– Вот ты мнэ скажи, Ельцин дурак?

Я с трудом проглотил кусок:

– Не похож.

– А-а. Тогда скажи. Вот Россия большой брат. Так? А мы – Осетия, Ингушетия, Чечня младшие братья. Если старший брат бьет младшего, разве это хорошо? Разве нельзя было словами объяснить?

Мы с Анненковым промолчали.

– А-а. Ну, ладно, кушайте.

Через десять минут осетины проводили нас до вертушки, отправляющейся в Грозный. Летчик категорически отказывался нас брать. Он размахивал руками и кричал на кавказцев. Что именно слышно не было, лопасти уже вращались во всю. Наконец, недовольный, но видимо сломленный летчик подошел к нам.

– Документы есть?

Внимательно изучив служебные удостоверения, коротко бросил:

– Садитесь, – и, обернувшись на осетин, прохрипел. – Мне голову снимут!

– А ты никому нэ говори, – подмигнул ему кавказец, который интересовался у меня умственными способностями президента.

Я уже пристроился на лавке возле бака с горючим, когда он заглянул в вертолет.

– Знаешь, если брат совсем сбился с правильного пути, пропадает, так сказать, и никого нэ хочет при этом слушать, можно и по уху съездить. А?

Уже в воздухе я вспомнил, что мы не познакомились с осетинами. Как звали тех дружелюбных кавказцев и чем взяли они пилота, так и осталось для меня загадкой. А в следующий приезд на войну я узнал, что где-то под Ведено была сбита вертушка с осетинским экипажем. Все погибли. Тот ли это был экипаж или нет, не знаю.

Страсти по Гегелю

На взлетной полосе Грозного-Северного стояли несколько только что прибывших вертушек. От их двигателей валил пар. На одной из них еще были включены аэронавигационные огни. Со стороны окраины города доносилась артиллерийская канонада. Тяжелые орудия били залпом. Саня рассмеялся:

– Смотри, бойцы опять прикручивают дверь на то же самое место.

По-моему, и солдаты были те же. Их сослуживцы подносили к входу в аэровокзал фанерные листы и заделывали ими дыры в стенах.

Из-за угла аэропорта показалась большая группа офицеров. Впереди нее важно вышагивал командир и, судя по всему, не простой. Лампасы на его штанах были широкие и яркие, словно натертые воском. Генерал остановился возле солдат, вешающих дверь, что-то им сказал, постучал себя по лбу кулаком. Бойцы бросили дверь, посторонились. Делегация скрылась внутри здания.

- Узнал полководца? – подмигнул я Анненкову.
- Похоже, Анатолий Васильевич Квашнин.
- Точно. Будем брать.

Протиснувшись между раскоряченной в проеме дверью и бойцами, мы поднялись по лестнице на второй этаж и тут же попали в объятия генеральской свиты.

- Нельзя сюда, здесь командующий!

- Он – то нам и нужен.

– Нельзя я сказал! – надрывался больше всех молоденький лейтенант с желтым портфелем.

– Да, в конце концов, – вспыхнул я, – мы с программы «Время», вчера в Моздоке министра вашего снимали!

– Программа «Время»? – раздался тихий и вкрадчивый голос из глубины аэровокзала. – А ну ведите их сюда.

Нас с Анненковым подхватили под руки и чуть ли не понесли по коридору.

Анатолий Васильевич вальяжно расхаживал в диспетчерской между раздолбанной аппаратурой, стирал пальчиком с нее пыль и пробовал на ощупь, будто пытался понять, откуда она взялась. Когда мы вошли, спросил не оборачиваясь:

- Зачем же вы министра обороны подставляете?

В его голосе было столько зловещего, что, казалось, сейчас он выхватит из-за пазухи револьвер и, не моргнув глазом, прямо здесь нас и положит.

- Что вы имеете в виду?

– А то, что после вашего вчерашнего эфира разразился большой скандал, – голос его был абсолютно спокоен. – Разве нельзя было вырезать слова про гаденыша Юшенкова?

Ага, подумал я, значит, Шура все же успел на ночные Новости. Это хорошо. Но доказывать, что Павел Сергеевич сам виноват, что никто его за язык не тянул, было бессмысленно. Это еще больше бы озлобило Квашнина. И тут меня осенило.

– Скажите, Анатолий Васильевич, – постарался я поймать интонацию командующего, – а вы разве можете отвечать за всех генералов, которые своими непрофессиональными действиями вначале фактически провалили военную кампанию? – и, не дожидаясь, сам дал ответ за генерала. – Нет. Вот и я не могу отвечать за всю программу «Время». К тому же, в отличие от вас, я не командир.

Командующий ОГВ замер. Он повернулся ко мне вполоборота и стал смотреть на меня не впрямую, а боковым зрением. Несколько раз ухмыльнулся, поддел ботинком скомканную бумажку. Я, вспомнив слова Рохлина о том, что Квашнин, даже провалив дело, всегда докажет, что он здесь ни при чем, понял – мои аргументы ему понравились. В той части, что он не несет ответственности за всех опростоволосившихся военачальников.

– Я тоже люблю Гегеля. Георга Вильгельма Фридриха. Особенно его «Науку о логике», – наконец взглянул он мне в глаза и процитировал немецкого философа: «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля. Бесхарактерный никогда не доходит до решения».

Честно говоря, я не понял, причем тут Гегель, но усилено стал припоминать университетский курс философии 19-го века. К месту или не к месту брякнул:

- Характер – это определенная форма воли и интереса, делающая себя значимой.

Это окончательно добил генерала. Он заулыбался и стал рассуждать о том, что телевизионщики, несмотря на свободу слова, должны относиться к своему делу ответственно. А подобные телепередачи, то есть вчерашние Новости, вносят раскол в общество. В конце пламенной речи, которой внимала вся его притихшая свита, генерал предложил нам с Анненковым чаю, а когда мы отказались, крепко пожал мне руку:

- Ты приходи ко мне в Москве, просто так, без камеры, поговорим о Гегеле.

Я пробубнил что-то типа «не извольте беспокоиться, непременно буду» и потащил оператора к выходу. Офицеры перед нами почтительно расступались.

– Вот что Гегель с людьми делает, – глотнул я свежего воздуха полной грудью и понял, что совершил одну ошибку. – Черт, нужно было у Квашнина БТР вытребовать и сопровождение.

– Пока он сегодня в программе «Время» наш лояльный, по отношению к федералам, репортаж не увидит, – резонно возразил Анненков, – ничего не даст.

– Верно, – согласился я, – поэтому курс на штаб Рохлина.

От Северного до консервного завода не так уж и далеко. Но мы тащились через пустырь долго, проваливаясь в незамерзающую грязь чуть ли не по колено. У развалин топтался низенький смуглый боец с автоматом, вроде бы татарин.

– Стой, куда?!

Мы сунули под нос служивому удостоверения, однако ксивы не произвели на него никакого впечатления.

– Спецпропуск нужен.

– Позови старшего.

– Нету.

– Кого нету-то? Командира вызови. Мы вчера с генералами сюда приезжали. Неприятностей хочешь?

Боец немного поводит кустистыми бровями и скрылся за развалинами. Вернулся вместе с младшим сержантом, у которого за плечами висела огромная рация. Радист что-то говорил в микрофон и прикладывал один из наушников к уху. Из динамиков раздавались треск и свист. Отчаявшись, что-либо разобрать, вымазанный в кирпичной пыли радист, смущенно попросил закурить. Я отдал бойцам целую пачку «Явы» и вскоре мы уже спускались в теплый штабной подвал. На этот раз оживления в нем не наблюдалось – за столом сидели дежурный и пара офицеров. На мой вопрос, как бы добраться до дворца Дудаева или до Совмина, они только отмахнулись – с этими вопросами к командующему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.